

УДК 342

ПРОЕКЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ НА СУВЕРЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

© 2024 г. Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: evsfrf@gmail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала когнитивных технологий и их влиянию на трансформацию отечественных историко-правовых ценностей. В качестве задачи исследования определено обозначение необходимости анализа когнитивных технологий как средства влияния на формирующие российскую суверенную государственность общественно-политические взгляды, осознанно искажающих факты историко-правовой реальности.

Исследование суверенной российской государственности — задача, сложность которой предопределена многими факторами. Прежде всего следует отметить, что весьма важно рассматривать ее как систему, состоящую из ряда элементов (государственность, суверенитет и др.). Изучение этой системы предполагает неизбежность ее комплексного междисциплинарного исследования, в котором сложно обойтись без правовых, исторических, философских, политологических, социологических и иных аспектов. Кроме того, анализ всей системы и отдельных ее элементов не предполагает выводов должной степени репрезентативности без использования сравнительного и ретроспективного методов. Актуальность исследования предопределена трансформациями, происходящими в современной России, обусловленными и внешними факторами, и процессами, меняющими современную политико-правовую реальность, в частности конституционными преобразованиями. Состояние бифуркации системы международного права создает новые смыслы базовых правовых понятий, обуславливающих независимость суверенных государств. Активизировались научные исследования на тему суверенитета и его позиций в условиях глобализации. В статье анализируются механизмы, направленные на формирование искаженных представлений об историко-правовой действительности. Делается вывод, что важно сформировать верифицированные, научно обоснованные подходы к исследованию фактов, имеющих историко-правовое и общественно-политическое значение, основанные на материале должной для доктринальных суждений степени репрезентативности. Это позволит создать инструменты противостояния когнитивным технологиям трансформации традиционных российских ценностей, применение которых способно влиять на понятия, определяющие правовую природу государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенная государственность, традиционные ценности, когнитивные технологии, трансформация ценностей.

Цитирование: Виноградова Е. В. Проекция когнитивных технологий трансформации ценностей на суверенную российскую государственность // Государство и право. 2024. № 7. С. 40–49.

DOI: 10.31857/S1026945224070034

PROJECTION OF COGNITIVE TECHNOLOGIES OF VALUES TRANSFORMATION ON THE SOVEREIGN RUSSIAN STATEHOOD

© 2024 E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: evsfrf@gmail.ru

Received 14.06.2024

Abstract. The article is devoted to the study of the potential of cognitive technologies and their influence on the transformation of domestic historical and legal values. The objective of the study is to identify the need to analyze cognitive technologies as a means of influencing socio-political views that shape Russian sovereign statehood and deliberately distort the facts of historical and legal reality.

The study of sovereign Russian statehood is a task whose complexity is predetermined by many factors. First of all, it should be noted that it is very important to consider it as a system consisting of a number of elements (statehood, sovereignty, etc.). The study of this system presupposes the inevitability of its complex interdisciplinary research, in which it is difficult to do without legal, historical, philosophical, political science, sociological and other aspects. In addition, the analysis of the entire system and its individual elements does not imply conclusions with the proper degree of representativeness without the use of comparative and retrospective methods. The relevance of the study is predetermined by the transformations taking place in modern Russia, caused by both external factors and processes changing the modern political and legal reality, in particular constitutional reforms. The state of bifurcation of the system of international law creates new meanings of basic legal concepts that determine the independence of sovereign states. Scientific research on the topic of sovereignty and its positions in the context of globalization has intensified. The article analyzes the mechanisms aimed at the formation of distorted ideas about historical and legal reality. It is concluded that it is important to form verified, scientifically grounded approaches to the study of facts that have historical, legal, socio-political significance, based on material that is appropriate for doctrinal judgments and the degree of representativeness. This will make it possible to create tools to counter cognitive technologies for transforming traditional Russian values, the use of which can influence the concepts that determine the legal nature of state sovereignty.

Key words: sovereign statehood, traditional values, cognitive technologies, transformation of values.

For citation: Vinogradova, E.V. (2024). Projection of cognitive technologies of values transformation on the sovereign Russian statehood // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 40–49.

Суверенитет — институциональный признак современной государственности. Он признан универсальным принципом международных отношений, обосновывающим право отстаивать национальные интересы и стратегию развития государства. В соответствии с закрепленными Организацией Объединенных Наций положениями суверенитетом обладают все государства. В качестве основополагающего принципа суверенитет установлен в текстах многих международных актов¹. Российская Федерация в соответствии с по-

ложениями норм международного права так же, как и другие суверенные государства, имеет право на независимость и самостоятельность при определении курса своего развития.

Самостоятельность проводимой государством внешней и внутренней политики — формы выражения суверенитета. Независимость в вопросах реализации политических решений, контекстно предопределенная исключительной правосубъектностью государства в вопросах национальной

¹ В частности, он содержится в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 г., Декларации о недопустимости интервенции

и вмешательства в дела государства от 09.12.1981 г., Хартии добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе от 12.02.2000 г. и др.

политики, в последние годы все чаще ставится под сомнение силами, предлагающими дискурс о возможности влияния на самостоятельность государственной политики. Предлагаемые в ходе полемики форматы, ставшие обычными на разных площадках, в том числе в ООН, не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Публично озвученные предложения порождают некую «новую территорию смыслов», не основанную на историко-правовой реальности. Сторонник трансформации международно-правовых основ взаимодействия между государствами на площадке ООН на слушаниях, посвященных проблемам государственного суверенитета, шведский профессор Лундского университета Бертран Рамчаран озвучивает тезис, что «мир радикально меняется, и международное право должно меняться вместе с ним»². Эта идея затем трансформируется в концепции, направленные на коррозию ранее признанных приоритетов и целей, изменение смысла существующих норм. При этом игнорируется мнение государств, участников международных отношений. Опирающиеся на мнение граждан своей страны аргументы политических деятелей, участвующих в этих дискуссиях, остаются без должного внимания.

Приверженность граждан России традиционным подходам в вопросах международных отношений иллюстрируется данными социологических исследований. Начавшийся период «разнотечий и умолчаний в мировой политике»³ вызывает у наших соотечественников, атрибутирующих суверенитет России как институциональный признак современной правовой российской государственности, определенную настороженность. Многие россияне (62%, по данным ВЦИОМ) считают, что «деятельность ООН не отвечает интересам России»⁴.

Появившиеся в эпоху глобализации новые взгляды на международные отношения создают состояние, которое политологи определяют как бифуркацию системы международного права⁵. Смысл этого явления состоит в том, что небольшие изменения в параметрах какой-либо системы (исследуемая в этой работе система суверенной

государственности не исключение) могут привести к кардинальному ее изменению. Вплоть до перехода от стабильного состояния к хаосу (иногда наоборот). В социальных науках бифуркация может описывать моменты, когда общество стоит перед выбором. Важное решение, принятое в конкретный исторический момент, может определить дальнейший путь развития целой страны. Иногда такие решения могут казаться незначительными, но их последствия оказываются глобальными.

Для анализа явления бифуркации весьма важно, что оно может проявляться в самых разных областях — от деликатных процессов в живых организмах до сложных социальных систем. В некоторых случаях это может быть очевидно, как с рекой, разделившейся на два рукава. В политико-правовой реальности для определения точки начала бифуркации потребуются измерение, анализ данных, мониторинг и пр.

Что делает понимание бифуркации особенно важным, это то, что оно позволяет видеть связи между различными явлениями. Кроме того, важно осознавать, что после начала этого процесса вернуть систему в исходное состояние невозможно. Именно поэтому придание новых смыслов базовым правовым понятиям, как начало бифуркации, полагаем возможным считать частью когнитивных технологий, направленных на разрушение устойчивого понятийного аппарата, определяющего правовую природу тех или иных социально-правовых явлений, формирующих суверенную государственность. Можно предположить, что активизация научных исследований на тему суверенитета и его позиций в условиях глобализации — часть этого процесса. В рамках научного дискурса возникают идеи, с которыми можно согласиться⁶. Некоторые авторы полагают, что «согласие на определенное ограничение, является одним из проявлений государственного суверенитета»⁷. Противники идеи отмирания суверенитета, считают весьма важным не допустить отмены государственного «суверенитета как формальной категории»⁸. Одним из шагов

² Рамчаран Б. Новое международное право в области защиты и безопасности // Хроника ООН. 2015. Т. 52. № 4.

³ Выступление В.В. Путина на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019. 3 окт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719>

⁴ ООН: важнейший международный институт — или дорогостоящая декорация // ВЦИОМ. 2019. 24 окт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9966>

⁵ См.: Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2023.

⁶ См., напр.: Белов П.Г. О критериях оценки и обеспечения государственного суверенитета: материалы Всеросс. науч.-общ. конф. «Проблема суверенности современной России». М., 2014. С. 75–80; Бредихин А.Л. Юридический суверенитет государства: понятие и содержание // Наука. Теория. Практика. 2010. № 1. С. 67; Виноградова Е.В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 66–69; Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство-личность-государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–164.

⁷ Милушева Т.В., Гадисов С.Р. Суверенитет государства как основной принцип российской Конституции // Правовая культура. 2018. № 4 (35). С. 21–27.

⁸ См., напр.: Бредихин А.Л. Указ. соч. С. 67.

в этом направлении можно считать лоббирование концепции ограниченного суверенитета⁹. В данном контексте признание де-юре независимости государства не исключает модели, при которой для него де-факто ограничивается право на самостоятельность принимаемых решений.

В рамках этого дискурса повышенного внимания заслуживает проблема, связанная с потенциальными десуверенизациями в мировой политике. Рассматривая суверенитет в аксиологическом аспекте, важно отметить, что именно он в большей степени, чем иные ценности, отражает национальные интересы, которые «всегда являются субъективной картиной мира и ценностной системой, господствующей в данном обществе и государстве»¹⁰.

Воздействие на отражение в политико-правовом пространстве страны системы ценностей происходит с использованием различных механизмов, в том числе когнитивных технологий. В наиболее общем виде это происходит в виде агрессивной трансформации принципов и норм международного права в формате срочного изменения процедур оценок постфактум, толкования, принятия решений, отличающихся от признанных ранее, что можно рассматривать как посягательство на правосубъектность государства. Вряд ли следует считать такие трансформации временными негативными последствиями глобализации и информатизации системы мироустройства, очевидно, их следует оценивать как новые инструменты достижения целей десуверенизации государств. Этим процессам Россия противостоит на протяжении многих лет.

В чем можно видеть перспективы такого противостояния? Прежде всего, суверенность России предопределяется существованием традиций сохранения системы ценностей, своеобразием истории, философии, права.

Стремление закрепить представления о важности сохранения традиционных для российского народа ценностей продиктовано внесением в Конституцию РФ 1993 г. поправок¹¹.

Сложность этого процесса объяснялась многими причинами. Предложение Президента РФ о внесении в Конституцию поправок, озвученное в послании Федеральному Собранию в марте 2020 г., сразу получило поддержку в обществе

и вызвало широкий общественный резонанс. Это повлекло формирование процедуры, которая ранее при обсуждении конституционных поправок не применялась. Конституционный Суд РФ выразил свою позицию о конституционности предлагаемых поправок в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3¹². В этом решении высший судебный орган отечественного конституционного контроля установил соответствие положениям Конституции РФ предложенных конституционных преобразований. При этом Конституционный Суд РФ отметил, что дополнительно к положениям гл. 9 Конституции РФ в качестве обязательного условия вступления в силу предлагаемых преобразований Закон о поправке следует вынести на общероссийское голосование, «которое представляет собой форму непосредственного народного волеизъявления»¹³.

Решение о необходимости принятия конституционных поправок 2020 г. всенародным голосованием было усложнено санитарно-эпидемиологической обстановкой в стране. 2020 год стал пиком мировой эпидемии COVID-19 — новой коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2. В условиях необходимости обеспечения инфекционной безопасности принималось решение о переносе первоначально установленных сроков общенародного голосования.

Вместе с тем при проведении голосования были применены новые методики, которые теперь используются при проведении выборов, — возможность голосования в режиме онлайн и установление для голосования не одного, а нескольких дней.

Конституционными преобразованиями был закреплён приоритет конституционных положений, так как было установлено, что сохранение преваляющих положений международного права возможно лишь в случаях, когда они не противоречат Конституции РФ. Казалось бы очевидно, что так и должно быть. Для суверенного государства положения своего Основного закона — это гарантии независимости государственной политики. Однако положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающие приоритет принципов и норм международного права над внутренним законодательством, расположенные в т.н. жесткой части Конституции,

⁹ Подробнее см.: *Тонконогов А. В.* Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства? // Закон и право. 2019. № 2. С. 25.

¹⁰ *Трухачев В. В.* Национальные интересы: теоретические дискурс проблемы // Вестник РУДН. 2010. № 1. С. 53–65.

¹¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

¹² См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

¹³ См.: там же (п. 2.1 мотивировочной части).

не отменены. Парадокс в том, что новые конституционные положения, весьма деликатно закрепляющие суверенность отечественного законодательства, подверглись жесткой критике в общественном дискурсе, настойчиво проповедующем приоритет норм международного права. При том что секретом Полишинеля является факт, что конституции США и ряда других стран не содержат отсылок к нормам международного права, что обуславливает преимущество национальных интересов страны над интересами других государств, международных организаций и пр.

Сегодня для многих очевидно, что конституционные преобразования 2020 года направлены на укрепление конституционных гарантий защиты российской идентичности «с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт»¹⁴. Это созвучно мнению о необходимости осознания противостояния легализации новых, а подчас и демонтажу ранее созданных концепций, содержащих потенции к профанации важной для любой страны системы сакральных ценностей¹⁵.

Таким образом, один из этапов укрепления независимой государственности — сохранение суверенных ценностей, которые предлагается трансформировать. В этом же ряду призывы переписать историю, отформатировав ее под запросы модных политико-правовых концептов. Искушение написать историю заново, возможно, сделав ее ярче и интереснее, но без опоры на реальные факты, к сожалению, нашло отражение в исследованиях наших соотечественников¹⁶. Поэтому особенно важно сформировать верифицированные, научно обоснованные подходы к исследованию фактов, имеющих историко-правовое и общественно-политическое значение, основанные на материале должной для доктринальных суждений степени репрезентативности. Это позволит сформировать инструменты противостояния когнитивным технологиям трансформации традиционных российских ценностей. Поиск механизмов для такого противодействия лежит в плоскости научного подхода, основанного на историографическом методе развенчания мифов о России, искажающих ее реальный

позитивный вклад в развитие идей справедливой правовой государственности.

Придавая анализируемым фактам определенное значение, нельзя забывать о том, что их оценка должна происходить с учетом конкретной историко-политической обстановки, т.е. важно исследовать материал в совокупности с происходящими явлениями, оказывающими влияние на решения в это время. Вне контекста реальных событий интерпретация документов может не совпадать с истинными смыслами, определяющими цель принятия того или иного решения. Трудно не согласиться с мнением акад. В.А. Тишкова, утверждающего, что не следует анализировать происходящее ранее с позиций существующего ныне понимания «как если бы людские сообщества постоянно жили по нынешним нормам, имели бы такие же представления о добре и справедливости, моральные и ценностные установки, какие свойственны современному миру»¹⁷. Действительно, интерполируя современные ценностные модели на акты, принятые в иных условиях, можно невольно допустить ошибку в формировании мнения о событии, отдаленном от нас во времени, происходившем в иную историческую эпоху.

Кроме того, следует учитывать и разницу в системе традиционных для России ценностей, имеющих специфику для разных стран. Существует обоснованная точка зрения, что «в строгих заданных рамках определенных западных теорий»¹⁸ оценка событий или документов не всегда может считаться объективной, «поскольку наша реальность не вписывается в эти методологические подходы»¹⁹. Учитывая, что самобытность нашего народа формирует ценности «передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности»²⁰, при этом идентичность «одновременно является категорией научного анализа и категорией практики — частью политической и социальной риторики»²¹.

Оценка событий, даже основанная на анализе реальных источников, должна быть верифицирована, в противном случае создается основа для выводов, не соответствующих исторической правде. Это предопределяет необходимость наряду с анализом

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

¹⁵ Подробнее см.: *Виноградова Е. В.* Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент системы сакральных и профанных ценностей // Государство и право. 2023. № 3. С. 24–31.

¹⁶ Подробнее см.: *Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Раттур М. В.* Российская грань шведского конституционализма. // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 11–34.

¹⁷ *Тишков В. А.* Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 7.

¹⁸ Многоуровневая идентичность / [З. А. Жадэ и др.]. М. — Майкоп, 2006. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

²¹ *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. С. 69.

документов, отформатированных с надлежащей степенью научной честности, работы по выявлению речевых и текстовых смыслов, проникающих в правовое пространство из политического дискурса.

Формирование верифицированных научно обоснованных подходов к исследованиям роли России в истории становления современного многополярного мира — задача весьма непростая. Для ее решения необходимы исследования суверенной российской государственности, создание иерархии системы традиционных ценностей, исследования проекций влияния когнитивных технологий трансформации исторических данных и пр. На объективность анализа этих и иных аспектов большое влияние оказывают тенденции, обусловленные политическими мотивами, которые в реалиях сегодняшнего дня создают модели доминирующего подхода, деформирующего отечественные ценности посредством интеграции чуждых для отечественных историко-правовых основ концепций, внедряемых на уровне правовой науки, оказывающих влияние на общественно-политическое сознание.

Международные отношения и национальные интересы должны преломляться через модели эволюции конкретного государства²². Вместе с тем интерпретация оценок событий, атрибутирующих интересы России, в последние годы, как отмечают исследователи²³, все чаще приобретает оттенок репрезентаций, которые сложно назвать доброжелательными. Оппонируя данным тенденциям, необходимо, основываясь на научных историографических методах, активно противостоять трансформации системы ценностей через понятийно-смысловые подмены.

Латентность когнитивных атак представляет весьма серьезную угрозу суверенитету и безопасности страны. Обладая суверенным правом на собственную модель развития, соответствующую национальным интересам, важно противостоять разрушению традиционных ценностей с использованием когнитивных технологий. Внедрение в образовательные стандарты с помощью новых смыслов, искажающих реальность, сформировавшуюся в отечественной системе смыслов сознания суверенной российской идентичности, может привести к распаду структурных поколенческих связей. Если для поколения, у которого эта структура уже сформирована, попытки подобных трансформаций

вызывают когнитивный диссонанс, то неокрепшая структура системы ценностей детерминирует появление соотечественников с иными взглядами и идейно-ценностными установками. Это приводит к зарождению межпоколенческого конфликта среди граждан одной страны, хаосу и непредсказуемым проявлениям в общественной жизни. Весьма важным видится наличие доктринальных подходов к когнитивным технологиям, в которых должны проводиться междисциплинарные научные исследования, в том числе не в последнюю очередь в рамках общественных наук — истории, философии, права²⁴. Определение и характеристику когнитивных угроз безопасности можно считать новой научной задачей, важность и актуальность которой предопределена тем, что данное направление, за исключением ряда работ, появившихся ранее²⁵, не составляет предмет исследовательского интереса широкого круга отечественных специалистов.

Агрессивное внедрение не имеющих опоры на действительность новых смыслов в юридическую науку трансформирует не только систему, но и структуру ценностей российского общества. Все чаще эти технологии оцениваются как направленные на десоверенизацию, подрывающие безопасность страны, современные методы ведения войны.

Когнитивные технологии деформации суверенных ценностей, появившиеся в исследованиях, курируемых военными ведомствами, переместились в общественное политико-правовое пространство. Они внедряются в социологические, психологические, философские и, к большому сожалению, в правовые дискурсы. Цель их применения — создание устойчивого канала влияния на внедрение в массовое сознание «новых смыслов», искажающих, а затем подменяющих традиционную систему ценностей, определяющую суверенную государственность.

Говоря о когнитивных угрозах, важно отметить, что для общественно-политической «матрицы» большое значение имеют лингвистические технологии, которые конструируются с помощью языковых конструктов. Слово, язык, термин, смысл интерпретируются введением новых научных терминов. Терминологическая дихотомия приводит к размыванию терминов через смещение смысловых акцентов. Противостоянию подмене или изменению смыслового содержания в уже существующих терминах и понятиях с целью трансформации

²² См.: Киселев И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэкс. 2007. Вып. 3. № 3. С. 253–256.

²³ См., напр.: Жуков В. И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346; Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / под общ. ред. В. И. Жукова. М., 2010.

²⁴ Подробнее см.: Виноградова Е. В. Против лома. К вопросу формирования российской правовой идентичности // Право и управление. 2022. № 10. С. 46–49.

²⁵ См., напр.: Смирнова А. Г. Механизмы конструирования угрозы в межгосударственных отношениях: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2013.

их значений необходимо противопоставить нормативно-правовые механизмы в виде закрепления понятий. Именно поэтому весьма важно противостоять создаваемым в научном пространстве других стран доминирующим смыслам, конструирующим новую геополитическую реальность²⁶. Без трансляции «новых смыслов» в языковую модель суверенного государства отсутствие возможности применения когнитивных технологий в процесс деформации суверенных ценностей очевидно.

На этапе актуализации информационных технологий, влияния на общественное сознание в виде дезинформации, различных фейков создали алгоритмы. В отличие от когнитивных технологий они были рассчитаны на кратковременный эффект. Появление новых когнитивных технологий создает сложно определяемую систему глубокого воздействия на установки, «привязывающие» граждан страны к отечественным ценностям. Это зачастую происходит через профанацию суверенных ценностей. Подрыв социальных норм через репрезентации моделей поведения в когнитивных технологиях формирует альтернативную парадигму принятым в данном обществе нормам морали и нравственности.

Исследуя когнитивные технологии, Д.Ш. Халидов полагает, что проникновение в сознание «новых смыслов», проходя через этапы — «шок будущего», «стратегия устрашающего хаоса», «метод глубоко проникающего напряжения», «теория управляемого хаоса»²⁷, запускает программу, изменяющую «матрицу» ценностей человека. Весьма иллюстративна его ссылка на американских исследователей, которые отмечают, что «сегодня отклонение от социальных норм и сексуальные извращения стали обычным явлением и не вызывают никакого протеста. Как нация, мы не заметили, что программа “изменение образа человека” коренным образом изменила наш образ жизни»²⁸.

Средства массовой информации в борьбе за приоритеты влияния на сознание людей, по мнению П.Г. Белова, занимают «лидирующие позиции»²⁹. Используя «засекречивание истинных

и навязывание ложных видений картины мира, которые и определяют состав информационных сообщений»³⁰ когнитивные технологии трансформации традиционных ценностей формируются в разных видах. Исследователь выделяет «искажение истории»; «опошление верований и идеалов»; «осмеяние традиций и обычаев»; «подмена общественных доминант»; «вестернизация культуры и ментальности»³¹.

Нельзя не согласиться с мнением, что «зная архетипическую структуру того или иного социума, можно воздействовать на него целевым образом и программировать его поведение. Цвет, слова-образы, сигналы, различного рода символы — все это может быть применено не для прямой агитации, а в качестве инструментов воздействия на подсознание с заведомо желаемым результатом»³².

Процесс формирования когнитивного воздействия идет через создание представлений, образов, нарративов. На следующем этапе возникает трансформация восприятия информации. Затем она закрепляется в массовом сознании, формируя потребность в легализации в правовом пространстве для закрепления в нормах, определяющих правила поведения. В последнее время в российских СМИ можно увидеть примеры манипулирования в пространстве публичного дискурса в направлении подрыва социального единства, доверия к действиям публичной власти.

Отсутствие нормативной базы соответствующего уровня позволяет исследователям утверждать, что «целая пирамида официальных нормативно-правовых документов и построенных на их основе система госуправления в сфере безопасности»³³ нуждается в надлежащем оформлении.

В российском законодательстве наряду с понятием информационной безопасности необходимо закрепить когнитивную безопасность, которую можно рассматривать как систему противодействия когнитивным технологиям. Определяя

«Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 73–76.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Багдасарян В. Э. Научиться мыслить в парадигме войн нового типа: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 95, 96.

³³ Сулакшин С. С. Информационная война против Российской Федерации: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». С. 6–43.

²⁶ Данная проблема отчасти рассмотрена в работах: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000; Бурдье П. Начала. М., 1999. С. 25; Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 149.

²⁷ Халидов Д. Ш. Об информационной войне на Западе и кое-что о геополитике: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 45.

²⁸ Там же.

²⁹ Белов П. Г. Как оценить и минимизировать вредное влияние российских СМИ: материалы круглого стола

ее цель, можно согласиться, что обеспечение «сохранности и защищенности фундаментальных ценностей (для индивидуального и социального сознания), когнитивных и поведенческих моделей, которые имеют “сберегающее” содержание по отношению к социальной практике, позволяя обеспечить жизнеспособность, “витальность” как индивида, так и социума...»³⁴, — важная задача государственного значения. Исследователи данной проблематики сходятся во мнении, что противодействие когнитивным угрозам, создающим искажающую мотивацию «поведения и действий»³⁵, трансформирующих суверенные ценности, предполагает создание системы мер государственного реагирования.

Когнитивные технологии подмены основ собственной идентичности в медийной риторике оказывают разрушительное влияние на исследовательский научный запрос. В системе общественно-политических знаний эта проблема представляет особую угрозу для создания политико-правовых подходов к процессам государственного управления. Как следствие процессов внедрения когнитивных технологий трансформации в государственно-правовую сферу сегодня можно наблюдать терминологическую неопределенность в документах стратегического планирования. В частности, отсутствует единство в понимании суверенитета, безопасности, идентичности, публичной власти и других важных для определения вектора развития страны понятий. Здесь речь идет не столько о терминологическом единстве, нужно отдать должное и доктрине, и правоприменительной практике, в частности правовым позициям Конституционного Суда РФ, который на протяжении многих лет заполняет правовые лакуны. Важно закрепление содержания в пространстве смыслов отечественных научных подходов базовых понятий, формирующих российскую суверенную идентичность. Кроме обоснования в концептуально-идеологической сфере необходимо их институциональное и правовое оформление.

В конечном счете эти усилия необходимы для обеспечения безопасного развития современной российской правовой государственности. Это предопределяет необходимость формирования научно-правовой основы противодействия когнитивным технологиям, обладающим разрушительным потенциалом стратегий длительного действия, изменяющим ценностные матрицы. Противостояние должно происходить в «пространстве интеллекта», основанного на установках неприятия без

доказательств информации, которая может быть не только ошибочной, но и откровенно ложной. В этом пространстве следует создать фоновое восполнение недостающих знаний истории страны, необходимое для преодоления искаженных небрежным подходом исследователей к имплементации в российское правовое пространство чуждых моделей. Трансляция критического отношения к неverified данным, используемым в формате научного дискурса, вероятно, должна отражать философско-правовое содержание власти сквозь призму социальных конструкторов, таких, например как ценности, идентичность, культура.

Рассуждая о сохранении российской суверенной государственности, не следует забывать о том, что попытки искажения традиционных ценностей с использованием когнитивных технологий ни в коем случае нельзя рассматривать как исключительно российскую проблему. Сегодня невозможно назвать ни одной страны в политико-правовом пространстве, которой созданы механизмы, исключающие влияние когнитивных технологий на формирование и оценку событий, происходящих в исторически отдаленном промежутке времени или сейчас.

* * *

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что применение когнитивных технологий, искажающих традиционные для страны ценности, представляет угрозу суверенной государственности. Для снижения потенциальной опасности этого воздействия необходимо объединение усилий. При этом призыв международного сообщества к диалогу по вопросам ценностей, формирующих суверенную государственность, должен быть основан на научных методах, отражающих объективную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э. Научиться мыслить в парадигме войн нового типа: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 95, 96.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000.
3. Белов П. Г. Как оценить и минимизировать вредное влияние российских СМИ: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 73–76.
4. Белов П. Г. О критериях оценки и обеспечения государственного суверенитета: материалы Всеросс. на-

³⁴ Миронова Н. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление. 2021. № 1 (157). С. 119–125.

³⁵ Сулакшин С. С. Указ. соч. С. 11, 15.

- уч.-общ. конф. «Проблема суверенности современной России». М., 2014. С. 75–80.
5. Бредихин А.Л. Юридический суверенитет государства: понятие и содержание // Наука. Теория. Практика. 2010. № 1. С. 67.
 6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 69.
 7. Бурдые П. Начала. М., 1999. С. 25.
 8. Виноградова Е.В. Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент системы сакральных и профанных ценностей // Государство и право. 2023. № 3. С. 24–31.
 9. Виноградова Е.В. Против лома. К вопросу формирования российской правовой идентичности // Право и управление. 2022. № 10. С. 46–49.
 10. Виноградова Е.В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 66–69.
 11. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Раттур М.В. Российская грань шведского конституционализма. // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 11–34.
 12. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство-личность-государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–164.
 13. Жуков В.И. Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346.
 14. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэкс. 2007. Вып. 3. № 3. С. 253–256.
 15. Милушева Т.В., Гадисов С.Р. Суверенитет государства как основной принцип российской Конституции // Правовая культура. 2018. № 4 (35). С. 21–27.
 16. Миронова Н. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление. 2021. № 1 (157). С. 119–125.
 17. Многоуровневая идентичность / [З.А. Жаде и др.]. М. – Майкоп, 2006. С. 8, 9.
 18. Рамчаран Б. Новое международное право в области защиты и безопасности // Хроника ООН. 2015. Т. 52. № 4.
 19. Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2023.
 20. Смирнова А.Г. Механизмы конструирования угрозы в межгосударственных отношениях: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2013.
 21. Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / под общ. ред. В.И. Жукова. М., 2010.
 22. Сулакшин С.С. Информационная война против Российской Федерации: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 6–43.
 23. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 7.
 24. Тонконогов А.В. Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства? // Закон и право. 2019. № 2. С. 25.
 25. Трухачев В.В. Национальные интересы: теоретические дискурс проблемы // Вестник РУДН. 2010. № 1. С. 53–65.
 26. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 149.
 27. Халидов Д.Ш. Об информационной войне на Западе и кое-что о геополитике: материалы круглого стола «Информационная война против РФ: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности». М., 2011. С. 45.

REFERENCES

1. Baghdasaryan V.E. Learning to think in the paradigm of a new type of war: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. М., 2011. Pp. 95, 96 (in Russ.).
2. Beck U. Risk society. On the way to another modern / transl. from German by V. Sedelnik and N. Fedorova; afterword by A. Filippov. М., 2000 (in Russ.).
3. Belov P.G. How to assess and minimize the harmful influence of the Russian media: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. М., 2011. Pp. 73–76 (in Russ.).
4. Belov P.G. On criteria for assessing and ensuring state sovereignty: materials of the All-Russian Scientific.-total. Conf. “The problem of sovereignty of modern Russia”. М., 2014. Pp. 75–80 (in Russ.).
5. Bredikhin A.L. Legal sovereignty of the state: concept and content // Science. Theory. Practice. 2010. No. 1. P. 67 (in Russ.).
6. Brubaker R. Ethnicity without groups. М., 2012. P. 69 (in Russ.).
7. Bourdieu P. The Beginning. М., 1999. P. 25 (in Russ.).
8. Vinogradova E.V. New ideas of domestic constitutionalism. Law as an element of the system of sacred and profane values // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 24–31 (in Russ.).
9. Vinogradova E.V. Against scrap. On the issue of the formation of the Russian legal identity // Law and management. 2022. No. 10. Pp. 46–49 (in Russ.).
10. Vinogradova E.V. Retorsions, reprisals and sanctions. The counterforce of State sovereignty and interstate pressure measures // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 9. Pp. 66–69 (in Russ.).
11. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Rattur M.V. The Russian facet of Swedish constitutionalism. // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 5. Pp. 11–34 (in Russ.).
12. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I. Sovereignty: state-personality-state // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. Pp. 156–164 (in Russ.).

13. *Zhukov V.I.* Sovereignty of Russia: national interests, demographic threats and challenges // Herald of the RUDN. Ser.: Economics. 2018. Vol. 26. No. 3. Pp. 335–346 (in Russ.).
14. *Kiselyov I. Yu.* The problem of the image of the state in international relations: a constructivist paradigm // Politex. 2007. Iss. 3. No. 3. Pp. 253–256 (in Russ.).
15. *Milusheva T.V., Gadisov S.R.* The sovereignty of the state as the basic principle of the Russian Constitution // Legal culture. 2018. No. 4 (35). Pp. 21–27 (in Russ.).
16. *Mironova N.* On the problem of ensuring cognitive security // Economics and management. 2021. No. 1 (157). Pp. 119–125 (in Russ.).
17. Multilevel identity / [Z.A. Zhade et al.]. M. – Maikop, 2006. Pp. 8, 9 (in Russ.).
18. *Ramcharan B.* New International Law in the field of protection and security // Chronicle of the United Nations. 2015. Vol. 52. No. 4 (in Russ.).
19. *Rudakova E.K.* Ensuring the demographic security of Russia in the context of cognitive threats: dis. ... Doctor of Political Science. N. Novgorod, 2023 (in Russ.).
20. *Smirnova A.G.* Mechanisms of threat construction in interstate relations: abstract ... Doctor of Social Sciences. SPb., 2013 (in Russ.).
21. Social changes in Russian society in the context of the global crisis / ed. by V.I. Zhukov. M., 2010 (in Russ.).
22. *Sulakshin S.S.* Information war against the Russian Federation: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. M., 2011. Pp. 6–43 (in Russ.).
23. *Tishkov V.A.* Historical culture and identity // Ural Historical Herald. 2011. No. 2 (31). P. 7 (in Russ.).
24. *Tonkonogov A.V.* Limited sovereignty of the Russian Federation as a pseudo-state? // Law and Law. 2019. No. 2. P. 25 (in Russ.).
25. *Trukhachev V.V.* National interests: theoretical discourse of the problem // Herald of the RUDN. 2010. No. 1. Pp. 53–65 (in Russ.).
26. *Foucault M.* The will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality. M., 1996. P. 149 (in Russ.).
27. *Khalidov D. Sh.* About the information war in the West and something about geopolitics: materials of the Round Table “Information war against the Russian Federation: institutionalization of information warfare in the context of the implementation of the National Security Strategy”. M., 2011. P. 45 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, и.о. первого заместителя директора, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. — Doctor of Law, Professor, Acting First Deputy Director, Chief Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia